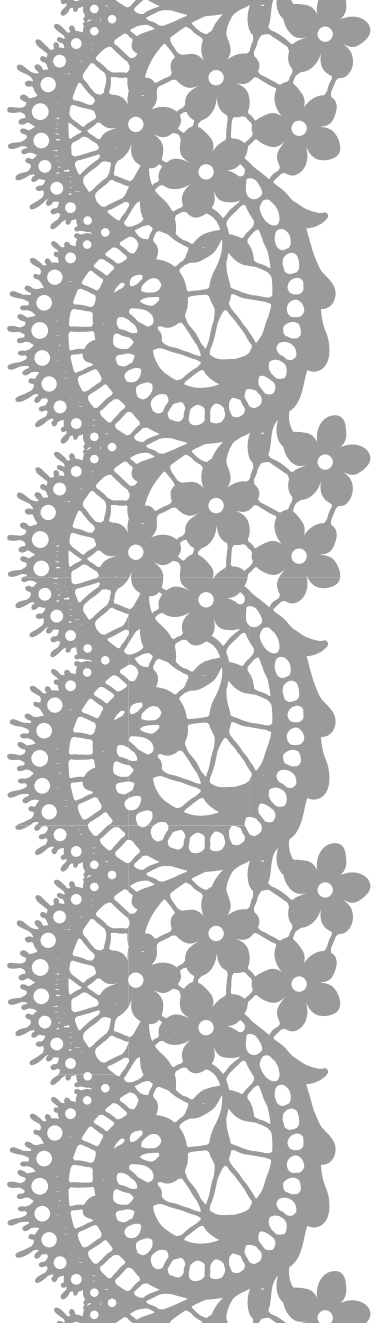

Читайте в серии:

ОБМАНУТЬ СУДЬБУ

Искупление

Волчья ягода

Элеонора Гильм

**ОБМАНУТЬ
СУДЬБУ**

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Художественное оформление серии
Юлии Девятовой

Редактор серии *Валерия Горюнова*

Гильм, Элеонора.

Г47 Обмануть судьбу / Элеонора Гильм. — Москва :
Эксмо, 2022. — 384 с.

ISBN 978-5-04-120423-5

Аксинья выросла в небольшой сибирской деревне, недалеко от Соли Камской. Ее судьба была предопределена с детства, но в глубине души ей хотелось большой любви, как в сказках про Василису и Ивана-царевича. И эта любовь пришла — всепоглощающая и страстная, нарушающая суровые запреты отца и способная свернуть горы. Но принесет ли она счастье? Пришлый кузнец, которого полюбила Аксинья, человек с двойным дном, с непростым прошлым и нутром зверя, который может сломать жизнь и себе, и другим...

УДК 821.161.1-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-120423-5

© Гильм Э., 2022

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

Посвящение

Маме — за вдохновение, правки, ценные советы, без которых подобная дерзость была бы невозможна.

Андрею — за твердую веру в мою творческую звезду.

Папе — за звучный псевдоним и глубокий интерес к истории русской деревни.

Моим редакторам: Виталине Смирновой — за помощь и поддержку, за то, что разглядела рукопись в веренице писем; Валерии Горюновой — за ценные советы и стремление довести текст до совершенства.

Пролог

Он хлестал по склонившейся узкой спине, которую так любил гладить. Смотрел на покорный затылок, на выбившиеся волосы и становился еще беспощаднее. После первого удара жертва закричала. От боли перехватило дыхание. Женщина упала на колени и только подвывала, поняв, что муж быстро не успокоится.

«Забьет меня до смерти... и ладно», — подумала она, и спасительная темнота накрыла с головой. Сарафан превратился в лохмотья, не прикрывавшие расплосованную спину. Мучитель жалел жертву, удары были совсем слабыми — для острастки. Не хотел он ее убивать — лишь наказывал за измену.

Когда она обмякла на полу, мужчина плеснул в лицо воды. Женщина заморгала, не понимая, что происходит. В один миг нахлынула резкая боль, она застонала.

— Рано еще стонешь, — усмехнулся муж. Свист плети, стоны и крики разбудили в нем греховное, паскудное желание. — Это еще не все наказание. Как хорошая жена, должна ты ублажить мужа, которого долго дома не было. Одна беда, голубушка! Другого ты тешила, погано мне после него с тобой... Что делать будем?

— Иди к другой, — пробормотала запекшимися губами.

— Ишь чего удумала, не нужна мне другая, у меня жена есть, венчанная. Я знаю другой выход. — Сорвав остатки са-
рафана, он резким движениям поставил ее на колени, ста-
щил свои портки и пронзил, будто копьем. Безжалостно, рез-
ко, грубо он овладевал той, которая была его женой, мечта-
ла стать матерью его детей. Испытывал особое удовольствие
от ее унижения, от зверства своего. Громкий победный крик
исторгло его горло, а жертва и стонать уже не могла, просто
рыдала тихо, беззвучно.

— Оденься! И обмой своего мужа! — приказал мучитель.

Еле выпрямившись, она потащила лохань. Смочив ветошь,
обтирала когда-то любимое тело и не чувствовала ничего,
кроме ненависти. Скоро уставший муж захрапел на лавке.

Жена ополоснула истерзанную плоть, исхитрилась пома-
зать спину травяным настоем. Встала у лавки и долго стоя-
ла, не отрывая глаз от мужа. Она взяла с поставца большой
тяжелый нож, которым разделывала мясо. Нож заманчиво
оттянул руку. Женщина смотрела отражавшее свет лучины
лезвие, гладила дорогую костяную рукоять, будто желанно-
го любовника.

ГЛАВА 1

КОНЕЦ БЕЗМЯТЕЖНОСТИ

1. Вороновы

Истощный ор прокатился по единственной улице деревушки Еловой и пошел гулять над Усолкой, уставшей от ледяных оков за долгую зиму.

— Что за галдеж? Совсем бабы сдурели. — Немолодой, но крепкий мужик возился в мужском углу избы.

— Василий, я схожу, любопытно, — отозвалась черноволосая женщина.

— Иди, Анна, коли заняться нечем.

— Оксюшка, ты со мной?

Наспех замотав девушку в слишком просторный для нее, шестилетки, тулуп, накинув на свое пышногрудое тело теплую одежду, женщина вышла из избы.

Лед отливал богатой синевой. Ветер шаловливо играл с ветками ивы, перебирал концы старого платка, шевелил выбившиеся пряди Оксюши, холодил маленький нос.

Несколько разгоряченных женщин сгрудились на одном пятачке и кричали, перебивая друг друга. Анна с дочерью подошли поближе. Деревенская знахарка Гречанка, расхристанная, полураздетая, стояла, гордо подняв седую голову. Из фигурно вырезанных ноздрей породистого носа стекала тонкой струйкой кровь. Знахарка и не пыталась утереться,

позволяя крови настойчиво капать на неопрятно потемневший снег. Оксюша смотрела на бурые пятна и от страха ку-сала розовый палец.

Худая, востроносая Гречанка появилась в деревне давно. Спустя два десятилетия еловские считали знахарку пришлой, чужой. Ее христианское имя Глафира в деревне не прижилось. Звали Ведьмой, Гречанкой. Бабы недолюбливали знахарку, но часто бегали за снадобьями от худого кашля, от поноса, от боли в спине. Поговаривали, что может ведьма избавить от паскудного бремени, наслать любовную сухоту, исцелить смертельно больного, выторговав жизнь его у нечистого.

Самая громкоголосая молодая женщина, носившая старое, почти забытое имя Еннафа, с ревом наступала на знахарку. Молодуха сжимала крупные костлявые кулаки, жаждала крови. Несколько дней назад она родила недоношенную девочку. Дитя оказалось слишком слабым для бренного мира, и Бог прибрал его к себе. Не желая смириться с потерей первенца, Еннафа винила во всем проклятую ведьму.

Бабы теснили Глафиру к Усолке. В руках Маланьи, соседки Анны, появилась туго сплетенная веревка. По всему видно, еловчанки решили проверить, знается ли Глафира с нечистой силой. Всем ведомо, если ведьму связать, она всплывет. Без помощи ее черти не оставят.

Гречанка отступала, голые посиневшие ноги проваливались в рыхлый снег. Она почти падала. Бабы, как собаки на охоте, гнали свою добычу. На черных сиротливых ветках собирались вороны и оглушительно орали, будто подзуживали лиходеек, подталкивали их к дурному делу.

Оксюша задрала голову:

— Они утопить хотят? Жалко...

Возле реки скопилась порядочная для деревушки толпа. Кто-то крикнул:

— Не утонет Гречанка. Ведьма ведь!

Мать наклонилась, отодвинула с дочкиного уха косынку, выпустила на стылый воздух горячие слова:

— А что мы сделать-то можем? Они и нас утопят. Страшны бабы во гневе, прости Господи!

Сильная рука Еннафы схватила седые растрепанные волосы.

Только окунула она в холодную воду Гречанку, раздался гул:

— Топи ее, окаянную. Так ей и надо!

— Гречанка, иди в преисподнюю!

— Веревкой-то связывайте! Неумехи!

Уверенный голос разрезал толпу:

— Бабы, вы бы отпустили знахарку. Ничего плохого деревенским она не сделала.

Анна встрепенулась.

Кто еще не побоялся бы дурного женского племени? Жаркой гордостью обдало ее с ног до головы. Среднего роста, крепкий, Василий был из тех мужиков, на которых держится земля русская. Всегда болел за правду и шел супротив толпы по настойчивому зову сердца.

— Прав он, непотребство затеяли. Еннафа, быстро домой, — худой, сгорбленный старик остановился рядом с Василием. Его повелению подчинились, казалось, даже вороны, спешно взметнувшиеся с деревьев и полетевшие на другой берег.

Рука молодки застыла над берегом. Посиневшая знахарка ловила ртом воздух. Со свекром спорить было бесполезно, Еннафе пришлось выпустить из рук добычу.

Гермоген был тих, по-стариковски нетороплив, но слово его не только в семье — во всей Еловой было непререкаемо. Не меньше двадцати лет он мирил ссорившихся, решал, за кем останутся лучшие заливные луга, следил за сбором пососного¹, церковной десятины, ямской и десятка других повинностей, возложенных властью на простого человека.

Народ быстро разбежался. Потеха закончилась. Гречанка выжала волосы, быстро покрывшиеся льдистой коркой. Взгляд ее остановился на Анне и Оксюше, которые молча стояли на берегу.

— Вот так-то, бабоньки. Сердце человеческое черствее прошлогоднего хлеба. — Сгорбившись, Гречанка пошла в свою избушку, кособоко примостившуюся на окраине деревушки. Казалось, ее узковылепленные ступни не замечали холода.

Вслед Анна прошептала, не для дочки, для себя:

— Не со зла они...

Дома Оксюша разревелась. Огромные слезы катились из темных, чуть выпуклых глаз.

— Дочка, ты что это сырость развела? — отец склонился над крохой, забавной в своем детском горе.

Анна с Василием долго утешали дочку, а она и сама толком рассказать не могла, что так расстроило ее. То ли бабы со страшными, перекошенными лицами, то ли судьба старой знахарки, то ли дыхание смерти. В этот день девочка впервые ощутила, как страшен может быть мир, как ненависть делает пустыми глаза, как крючит пальцы, превращая их в смертоносные когти.

¹ П о с о ш н о е (обложение) — поземельный налог в России в XIII–XVII веках.

Оксюше повезло куда больше, чем многим ее ровесницам. Последыш в семье, она веревки вила из своих родителей. Появилась Оксюша у сорокалетней матери, которая детей заводит боле не намеревалась. Но природу не перехитришь. Дарья, Петухова жена, подначивала Анну:

— Настругал тебе Васька дите на старости лет. Ты стругалку-то его утихомирь, а то увлечется мужик. Еще парочку сварганит нахлебников.

Раздобревшей Анне помогал десятилетний Федор. Лишь он остался в избе из всего обширного выводка Вороновых. Стройный, гибкий, с каштановыми кудрями, ангельскими чертами лица, он слыл бы на селе первым красавцем, но... С самого детства дьявольская болезнь не давала Федьке покоя, падучая скручивала его, кидала наземь. На губах выступала пена, и рассудок надолго покидал горемычного. Сколько слез пролила мать над ним — не счесть.

Ничего мальцу не помогало, лет до десяти чуть не каждую седмицу случался приступ. Родители не знали: то ли молить Бога о выздоровлении, то ли просить, чтобы он ниспослал Феде милосердную смерть... Из-за приступов голова Федина работала иначе, чем у других, говорил он медленно, не мог додуматься порой до самых очевидных вещей. Странился чужих людей, все больше молчал, зато помогал отцу в гончарном деле, работал во дворе, ухаживал за скотиной и огородом — трудился за троих.

Гончарный промысел принес семье Вороновых небольшие накопления: уплатив подати, церковную десятину, тратя деньги на сырье и попутные надобности, они жили безбедно. Срубили новую избу-пятистенку с просторной светелкой.

По обычаю родных мест Василий пристроил к глиняному телу печки деревянный короб — и плотный дым выходил из избы. Соседи долго смеялись над недотепой с Казани. В холодных землях расточительством было выпускать тепло на волю. Все топили печи по-черному. Русский человек привык вдыхать сажу, пачкать порты в копоты. За седмицу белая рубаха становилась грязно-серой. Год-другой, смешки поутихли, и по Еловой пошел обычай печи ставить, «как у Васьки-Ворона».

К избе с правого бока прилепился сарай с гончарным кругом, малой печью и товарами для продажи. В четырех шагах хлев, гумно, куть с запасами. Лодка-долбленка, два жеребца, корова с телятком, свиньи да птица — вот все их справное хозяйство.

* * *

Аксинья, для родных Оксюша, подвижная, смышленная, с огоньком в очах, сновала по двору и избе, не столько помогая, сколько отвлекая взрослых своими вопросами: «А почему солнце восходит на востоке?», «А почему цапли осенью улетают?». Темноглазая, с каштановыми волосами и чуть раскосыми живыми, озорными глазами, она была похожа на отца своего, Василия, в котором текла кровь инородцев. Румяные щечки, ладная фигурка и мелодичный голос достались от матери Анны.

Никто из старших детей Вороновых, да и всех детишек, и помыслить не мог, чтобы строгие родители ласкали, целовали, баловали. Строгий окрик, молитвы, розги на заднице — так десятилетиями воспитывались дети в суровом краю.

Оксюша будто притягивала любовь и заботу не только родичей, но и соседок, подруг. Девчушка заливисто смеялась в сильных, хотя и немолодых руках отца, доверчиво прижималась к матери и забавлялась над Федей, для которого стала

и радостью, и докукой. Оксюша любила спрятать его одежонку и веселилась, наблюдая за судорожными поисками.

— Федя, а, Федя, а посчитай, сколько кошек у нас в деревне!

Он беспрекословно шел считать и был остановлен кем-то из родителей. Оксюше выговаривали за каверзы, а Федя смешно злился, морщил нос.

— Отгадай загадку: белая морковка зимой растет.

— Морковка зимой... Как так может быть? — Неповоротливый ум парня не справлялся с такими задачками. Он чесал затылок, убегал в мастерскую к молчаливым кринкам и горшкам. А девчушка вслед кричала:

— Сосулька это, братец, как не догадаться?

* * *

Поздней осенью Оксюша по своему обыкновению крутилась в мастерской. Маленькая, юркая, она носилась со свистулькой, отцовским подарком. Федор, с кряхтением тащивший тюк с глиной, запнулся и уронил свою тяжелую ношу на ногу. Оксюша с плачем и криками побежала в избу, а Федор тихо стонал на земляном полу сарая.

Нога подернулась синевой, парень закусывал губы, видно было, что мочи терпеть нет. До вечера Гречанка колдовала над ним. Нога, смазанная студенистым отваром, была заточена в лубок. Глафира шептала неведомые заговоры тихо, безучастно, прикрыв морщинистыми веками совиные глаза. Дрожащее пламя лучины освещало покрывшееся испариной лицо Федора, трепетало на смуглых руках Глафиры. И его пляшущие отблески бились в такт напевному шепоту знахарки.

— Помоги... Помоги ты ему, — бормотала Анна. И не было в ее душе страха перед неведомым, перед чародейством, что могло исцелить ее сына.

Кряхтя и держась за поясицу, Глафира разогнулась:

— Все сделала я. Он молодой... Бог даст, еще бегать будет.

— Спасибо тебе, Глафира. В пояс кланяюсь.

— Ишь, спасибо. А давеча смотрела, буду я тонуть или нет. Да ты не спорь со старухой. Все понимаю.

Знахарка охотно взяла мешочек с весело бренчащими медяками и отказалась от густого варева, томившегося в печке.

Только к вечеру Анна спохватилась: младшей дочки нет. Ни на печке, ни в кути¹, ни у постели родного брата.

— Вася, а Оксюша-то где?

— И на печи нет? — Лежанка на печке, теплая и уютная, была любимым местом баловницы.

— Нигде ее нет, горюшко. Как просмотрела-то!

Долго еще огоньки лучин освещали двор Вороновых.

— А-а-аксинья! — раздавался протяжный женский крик.

— Оксюша! Что за пакостная девка! — вторил мужской голос.

Крошечную фигурку встревоженные родители обнаружили в самом темном углу мастерской. Девочка свернувшись клубочком и замерла, как испуганный мышонок, прислонившись к еле теплой печи. Остывшая мастерская была не лучшим приютом для ребенка.

Отец принес всхлипывающую во сне Оксюшу в избу на руках. На следующее утро девочка заполыхала жаром. Анна крутилась как белка в колесе: сын не вставал с кровати, а те-

¹ Ку т ь — задний женский угол в избе, место перед печкой.

перь и дочка занемогла. Поглядев на маету жены, Василий принес Оксюшу к знахарке.

— Вылечи, Глафира, кровинушку мою, — поклонился в пояс.

— Иди. Не тревожься.

Весь сечень¹ девчушка прожила у ведуньи, исправно принимала все отвары, дышала целебным паром, мазала грудь барсучьим жиром, играла с ее черным здоровенным котом и быстро поняла, что пришлось по сердцу Глафире.

— Бабушка, расскажи мне про Гевеста². Сказку...

Вечерами Глафира, сложив на коленях узловатые руки, раскидывала перед замороженной девчушкой яркие картины. Бесчисленные истории про славянских богов, лешего, берегинь, Перуна, Велеса. Знала она и множество греческих мифов, которые завораживали Оксюшу своей красотой, замысловатостью и напевностью.

— Родился Гевест, сын Зевса и Геры, на Олимпе слабым и хромым ребенком. В гневе великая Гера сбросила хилого мальчика на землю. Сжалились над ним морские богини, унесли его с собой в воды седого Океана. Вырос Гевест хромым, но сильным, с могучими руками. Стал он искуснейшим кузнецом, ковал украшения из золота и серебра.

— А подковы для лошадей ковал? А плуги?

— Ковал, Аксинышка. И получались они у него крепкие да красивые, с коваными завитками, на зависть всем остальным мастерам. Боялись люди его силы.

— А почему так мать с Гевестом поступила? Злая она.

¹ Сечень — январь.

² Гевест — Гефест (имя бога искажено).

— Немилосердной была Гера, да и в те давние времена люди были нрава совсем другого, не смиренного, буйного, дикого. И боги тоже были жестокими к людям, друг к другу.

— А сейчас люди добрее?

— Стараются быть добрее, вера христианская учит милосердию. Но, — вздохнула Глафира, — не у всех получается. — Вспомнила, как давеча Еннафа утопить хотела, как мальчишки бросали в нее камнями. Вот и вся доброта. — Пора нам спать, золотце.

— Спой мне песенку.

Ой бай да побай,
Поди, бука, на сарай,
Бука, в избу не ходи,
Наше дитя не буди!

— Бу-ука, — бормотала девчушка.

Тихо потрескивали поленья в печке, за окном вилась вьюга, кот сонно скрутился в клубочек и закрыл нос лапкой.

— Мороз крепчать будет, — поежилась старуха.

Она долго смотрела на спящую Аксинью, любовалась ее длинными ресницами, слушала сладкое дыхание и тосковала о том, чего никогда у нее не будет.

Федина нога зажала быстро, уже через две недели он бодро, опираясь на сучковатую палку, хромал по двору. Возвратившись от Гречанки, Оксюша перестала дразнить его. Прижималась к брату и затихала надолго, гладила его по непокорным кудрям и шептала: «Прости ты меня. Феденька самый хороший, Феденька мой милый». Брат жмурился, как довольный кот, млел под маленькими Аксиньиными ручками. И не было на свете ничего, чего бы он не сделал для сестры своей.

Деревня Еловая вольготно раскинула семнадцать дворов на берегу Усолки. Лишь семь верст отделяли ее от Соли Камской. Небольшая речка давала деревне вдоволь воды, в ее прохладных глубинах водилось множество рыбы — и хариус, и сазан, и щука, и сорный окунь, и даже царская рыба — осетр.

Деревню семь десятков лет назад основал Николка Петух, работающий и неразговорчивый помор. Почти половина дворов и сейчас принадлежала потомкам крепкой крестьянской семьи. Не мудрствуя, деревню стали звать по тому дереву, что в изобилии росло в окрестностях.

В Солекамском уезде крестьяне все были государевы, чернососные. Еловские жили тем, что вырастить могли на земельных десятинах, простиравшихся широкой полосой от реки до леса. Поля щедро давали урожай капусты, репы, ржи, ячменя, но бедно родили сладкое пшеничное зерно. Порой земля кормила житом вдоволь, а иное лето пашенные люди туго затягивали пояса, и матери в слезах успокаивали надрывающихся от плача детей с голодными глазами. Работа на государственной пашне, ямская повинность, десятина церковная... Не разжиреешь.

Два крестьянина в Еловой хозяйство вели из рук вон плохо. Ермолка Овечий Хвост много пил и не знал меры в пьяных безумствах. Макарка, ленивый, скудоумный, сеял последним, рожь убирал, когда колосья осыпались, но хвастался перед всяким, готовым его слушать. Худых хозяев презирали в деревне, считали людьми ленивыми или пьющими: окрест Еловой столько земель, корчуй лес, распахивай, сажай, работай — и голодным не будешь.

Четверо еловских мужиков своими умелыми руками и смышленной головой заслужили счастье не зависеть от своей матери-природы. Каждый из них хорош был в своем ремесле, оно его кормило и несло почет и уважение односельчан.

Был в деревне свой бондарь, прижимистый мужик Яков Петухов, приумноживший доброе приданое жены. Могла похвастать Еловая и кузнечных дел мастером, веселый и безалаберный Пров и его толстушка жена всегда отличались хлебосольностью. Угрюмый бортник Иван, потомок того же Петуха, казалось, больше любил пчел, чем свою надоедливую Маланью. Василий Воронов три десятка лет назад осел в Еловой. Кувшины, чашки, блюда с вороном на донце были в каждой еловской избе.

Ремесленные люди продавали товар свой в Соли Камской на базаре, а чаще сдавали местным купцам по сходной цене и не бедствовали. Они в деревне держались несколько особняком, им завидовали, порой просили о помощи...

Были ссоры-ругань, куда без них, но жила Еловая дружно и крепко, без мордобития и пьяных свар. За пару десятков лет самым серьезным делом, что довелось решать Гермогену умным словом и громким окриком, — смертоубийство, что чуть не сотворено было его невесткой Еннафой на берегу Усолки.

2. Детство

Оксюша, младшая баловница, каталась как сыр в масле. Лет с шести стала она проситься с отцом в город на рынок, и отказать ей не было никакой возможности — поднимался рев на весь дом. Петушки на палочках, бусы, ленты, отрезы